

Кэтрин М. Валенте
Девочка, которая объехала Волшебную
Страну на самодельном корабле
Серия «Волшебная Страна», книга 1

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8371862

Девочка, которая объехала Волшебную Страну на само-дельном корабле: роман / Кэтрин М.

Валенте: АСТ; Москва; 2014

ISBN 978-5-17-086775-2

Аннотация

Скучно живет двенадцатилетней Сентябрь в родном городе Омахе. Как-то раз под окнами своей кухни она встречает господина в зеленом пиджаке по имени Зеленый Ветер, который приглашает девочку в путешествие. Сентябрь, не моргнув глазом, соглашается (а кто бы не согласился?). И вот они уже летят на Леопарде в Волшебную Страну, полную удивительных существ...

Содержание

Действующие лица	5
Глава I	6
Глава II	12
Глава III	18
Глава IV	28
Глава V	33
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Кэтрин М. Валенте

Девочка, которая объехала Волшебную Страну на самодельном корабле

Catherynne M. Valente

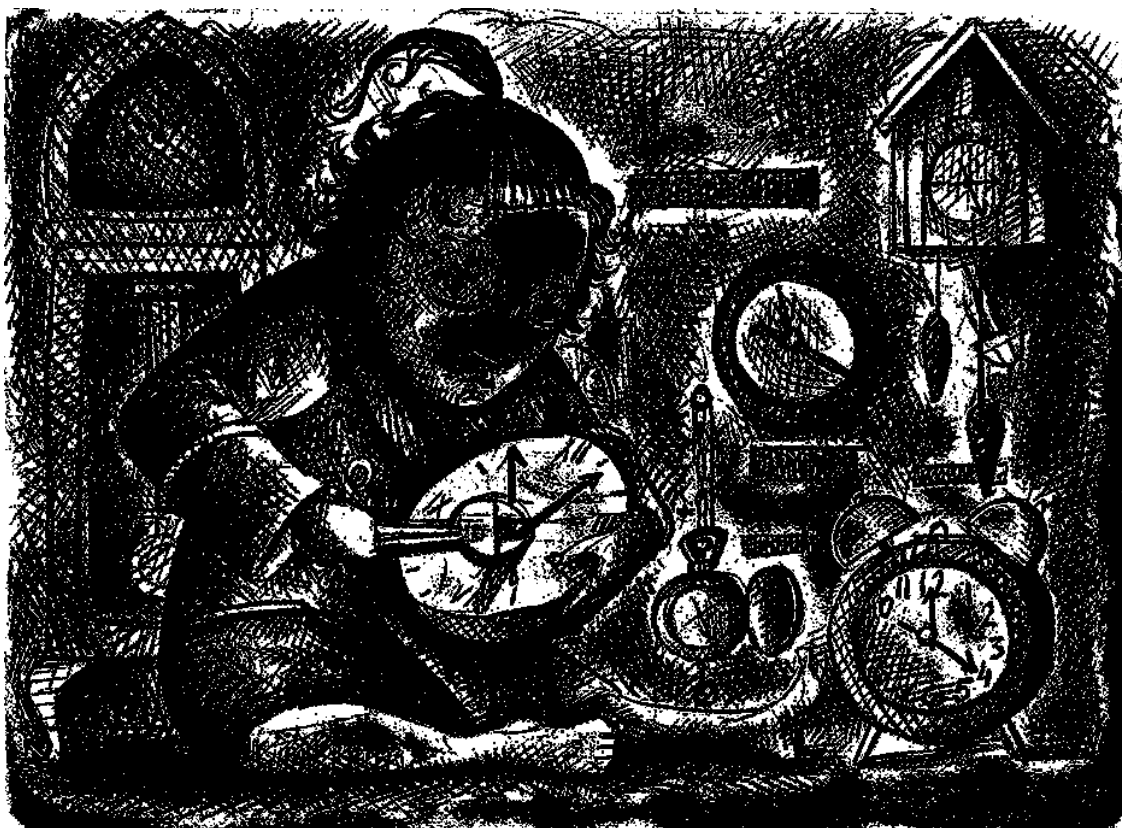
THE GIRL WHO CIRCUMNAVIGATED FAIRYLAND

IN A SHIP OF HER OWN MAKING

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

© Электронная версия книги подготовлена компанией ЛитРес (www.litres.ru)

* * *

Не омрачай день сегодняшний, оплакивая день завтрашний.

Всем, кто прошел со мной этот странный путь и протягивал мне руки, когда я оступалась. Мы сами сделали этот корабль.

Действующие лица

Сентябрь, девочка
Ее мама
Ее отец
Зеленый Ветер, вихрь
Леопарда Легких Бризов, его скакун
Привет, ведьма
Пока, ее сестра, тоже ведьма
Мерсибоку, их муж, ведьмак, по совместительству звервольф
От-А-до-Л, виверн
Алкали, голем
Славная Королева Мальва, предыдущая правительница Волшебной Страны
Чарли Хрустикраб, эльф
Несколько глаштинов
Маркиза, нынешняя правительница Волшебной Страны
Яго, Пантер Суровых Штормов
Суббота, марид
Кальпурния Фартинг, эльфиня
Пенни Фартинг, ее подопечная
Многочисленные парноколесные
Доктор Охра, спригган
Рубин, аспирант, также спригган
Лимончик, его невеста, гений алхимии, тоже спригган
Смерть
Два льва, оба синие
Мистер Мапа, королевский картограф
Ни, наснас
Несчастливая рыбка
Акула (на самом деле оборотень)
Ганнибал, пара сандалий
Светлячок, фонарь

Глава I «С Леопардой – в путь!»

в которой девочка по имени Сентябрь уносится на Леопарде, узнаёт правила Волшебной Страны и разгадывает головоломку.

* * *

В одно прекрасное утро девочка, которую звали Сентябрь, ужасно устала от родительского дома, где изо дня в день она перемывала одни и те же розово-желтые чайные чашки и такие же соусники, спала все на той же вышитой подушке и играла все с той же миленькой собачкой. А поскольку родилась Сентябрь в мае, и на левой щеке у нее было родимое пятно, и ступни большие и неуклюжие, ее пожалел сам Зеленый Ветер – и, едва девочке исполнилось двенадцать, объявился вечером у нее под окном. Одет он был в зеленый пиджак, зеленые бриджи, поверх которых был наброшен зеленый кучерский плащ, на ногах красовались зеленые же снегоступы. За облаками, на задворках мира, где живут Шесть Ветров, бывает очень холодно.

– Похоже, ты довольно вспыльчива, да и характер у тебя неважный, – произнес Зеленый Ветер. – Что скажешь, если я предложу тебе полететь со мной на Леопарде Легких Бризов к большому морю, что на границе Волшебной Страны? Дальше меня, конечно, не пустят – Вихрям в Волшебную Страну вход заказан, – но я буду счастлив доставить тебя к берегам Коварного и Каверзного моря.

– Да! – выдохнула Сентябрь, измученная розово-желтыми чашками и приставучими собачонками.

– Ну, что ж, тогда вылезай, садись и не очень-то дергай мою Леопарду за мех, она кусается.

Сентябрь выбралась из окна кухни, оставив полную раковину мыльных желто-розовых чашек. Чайные листья, налипшие на дно чашек, своими очертаниями сулили смутные неприятности. Форма одного листка напомнила ей отца в длинной шинели кофейного цвета, в которой он и отправился за океан, на войну, с винтовкой и в фуражке с какими-то блестящими штуковинами. Другой чайный лист был точь-в-точь мама в рабочем комбинезоне, со вздутыми бицепсами, склонившаяся над заглухшим авиамотором. Третий походил на расплюснутую капусту. Зеленый Ветер протянул затянутую в зеленую перчатку руку, Сентябрь приняла ее, а вместе с ней и решение. Когда она взбиралась на подоконник, с ее ноги соскользнула туфля, и это вскоре окажется важным, так что самое время проститься с этой хорошенькой туфелькой с бронзовой пряжкой на ремешке, которая только что стукнулась о паркет. Пока, туфелька! Сентябрь скоро поймет, как ей тебя не хватает.

– Теперь слушай, – сказал Зеленый Ветер, когда Сентябрь надежно устроилась в изумрудном фигурном седле, обхватив пятнистую шею Леопарды. – В Волшебной Стране есть важные правила, от соблюдения которых я в один прекрасный день буду избавлен – когда наконец рассмотрят мои бумаги и вручат мне золотое кольцо дипломатической неприкосновенности. Но если *ты* будешь пренебрегать правилами, то, боюсь, я не сумею тебе помочь. Тебя могут оштрафовать или казнить, в зависимости от настроения Маркизы.

– Она такая ужасная?

Зеленый Ветер хмыкнул в свою колючую бороду.

– Все маленькие девочки ужасны, – признал он наконец, – зато у Маркизы очень красивая шляпа.

– Расскажи мне правила, – решительно сказала Сентябрь. Мама рано научила ее играть в шахматы, и девочка решила, что если уж она запомнила, как ходит конь, то усвоить Волшебные Правила ей не составит труда.

– Во-первых, ничего железного. В таможене на этот счет строго. Пули, ножи, жезлы – все будет конфисковано и отправлено в переплавку. Во-вторых, всем запрещено заниматься алхимией, кроме юных леди, родившихся во вторник...

– Я родилась во вторник!

– Я почему-то так и думал, – подмигнул Зеленый Ветер. – В-третьих, воздушное сообщение допускается только посредством Леопарды или лицензированных Побегов Амброзии. Если при тебе нет ни того ни другого, будь любезна не отрываться от земли. В-чет-вертых, все движение строго против солнца. Пятое: вывоз мусора каждую вторую пятницу. Шестое: все подменыши обязаны носить обувь для подменьшей. Седьмое и главное: ни в коем случае не пересекай границу Чесаного Леса, не то сгинешь в страшных муках, либо должна будешь выдержать невыносимо нудное чаепитие со старыми девами из рода гамадриад, древесных нимф. Эти законы священны для всех, кроме приезжих сановников и спригганов. Все понятно?

Сентябрь, уж не сомневайтесь, изо всех сил старалась слушать внимательно, хотя порывы ветра то и дело залепляли ей лицо прядями темных волос.

– Н-наверно, – пробормотала она, вытаскивая локоны из рта.

– Разумеется, потребление любых волшебных пищевых продуктов влечет за собой обязательство возвращаться по крайней мере раз в год в соответствии с сезонным круговоротом мифов.

– Что? – вздрогнула Сентябрь. – Это что значит?

Зеленый Ветер погладил заостренную бородку.

– Это значит – ешь что угодно, вишенка! – рассмеялся он, и смех его был подобен свисту ветра в древесных кронах. – Сладкая вишенка, ясная ягодка, свет моих лунных ночей!

Леопарда Легких Бризов взмывала все выше над городом Омахой, штат Небраска, над его крышами, которым Сентябрь даже не помахала на прощание. Не стоит осуждать ее за это: все дети бессердечны. У них просто сердце еще не выросло, поэтому они лазят по высоченным деревьям, и говорят гадости, и прыгают так, что взрослые сердца трепещут в ужасе. А сердце ого-го сколько весит, потому-то его и приходится так долго растить. Но как в чтении, арифметике или рисовании дети успевают по-разному, так и сердце у всех у них растет по-разному. (Кстати, хорошо известно, что чтение ускоряет рост сердца, как ничто другое.) Некоторые малыши, противные и капризные, Совершенно Бессердечны. Другие, милые и послушные – Все Не Бессердечны. В тот день, когда Зеленый Ветер унес ее из дома, девочка по имени Сентябрь была серединка наполовинку – Немножко Бессердечная, Немножко Взрослая.

Так вот, Сентябрь не помахала на прощание ни своему дому, ни маминой фабрике, которая пускала белый дым далеко вниз. Она не помахала даже папе, когда пролетала над Европой. Нас с вами это могло бы шокировать, но Сентябрь прочитала горы книг и была уверена: родители сразу перестанут сердиться, как только узнают, что их маленькая искательница приключений отправилась в Волшебную Страну, а не в соседний паб, и, стало быть, все нормально. Так что вместо прощания она смотрела на облака, пока глаза не начали слезиться на ветру. Тогда она припала к грубой блестящей шкуре Леопарды Легких Бризов и стала слушать, как колотится огромное сердце зверя.

– Простите, что я спрашиваю, сэр Ветер, – сказала Сентябрь, для приличия выждав немного, – а как попадают в Волшебную Страну? Потому что мы же скоро пролетим Индию, потом Японию, потом Калифорнию и вернемся напрямиком к моему дому.

Зеленый Ветер усмехнулся.

– Так бы оно и было, если б земля была круглая.

– А разве она не...

– Тебе придется оставить в прошлом эти замшелые, старомодные идеи. Консерватизм никого не украшает. Волшебная Страна – весьма академическое место. Мы выписываем все лучшие журналы.

Леопарда Легких Бризов издала негромкий рык, и стайка мелких облаков поспешно убралась с ее пути.

– Земля, моя радость, отчасти *трапециод*, слегка *ромбоид* и чуточку *гиперкуб*, и все это вместе весьма недовольно, когда его гладят против шерсти. Иными словами, сокровище мое осеннее, это головоломка, вроде тех сцепленных серебряных колец, которые тетя Маргарет привезла из Турции, когда тебе было девять.

– Откуда вы знаете про тетю Маргарет? – воскликнула Сентябрь, одной рукой отбрасывая волосы.

– В полдень я всегда хлопочу по хозяйству – поднимаю пыль. В тот день твоя тетя была в черной юбке, а ты в желтом платье с обезьянками. У нас, Вихрей, отличная память на все, что мы поднимаем.

Сентябрь разгладила складки на измятом подоле оранжевого платья. Она любила все оранжевое: листья, иногда луну, бархатцы, хризантемы, сыр, тыкву (и в пироге, и так), апельсиновый сок и апельсиновый джем. Оранжевый – цвет яркий и требовательный. Его невозможно игнорировать. Однажды она увидела в зоомагазине оранжевого попугая и захотела его так сильно, как прежде никогда в жизни ничего не хотела. Она назвала бы его Хэллоуин и кормила бы ирисками. Мама сказала, что от ирисок птице стало бы плохо, к тому же

собака ее непременно съела бы. После этого Сентябрь из принципа никогда не разговаривала с собакой.

– Головоломка вроде тех колец, – повторил Зеленый Ветер, глядя на нее поверх зеленых очков. – Мы разомкнем Землю и снова замкнем, а потом окажемся в другом кольце, которое и есть Волшебная Страна. Уже скоро.

И в самом деле, среди льдисто-голубых облаков, раскинувшихся над миром, уже проступало множество крыш – все очень высокие и очень шаткие. Дошчатые башни соборов, ржавые своды, колонны с облупленной позолотой, громадные купола церквей наподобие тех, что Сентябрь видела в книжках про Италию, вот только многие кирпичи выпали, разбились, обратились в пыль. Как раз в таких стенах ветер воет, стонет и свищет особенно крепко, громко и пронзительно. Все, что не укрыто, – заиндевело, включая жителей, которые носились и порхали по городу, укутанные не хуже самого Зеленого Ветра, только куртки и бриджи черные, или розовые, или желтые; и у всех – круглые надутые щечки, как у херувимчиков, что гонят ветер рассевшись по углам старинных карт.

– Добро пожаловать, Сентябрь, в мой родной город Вестерли, где все Шесть Ветров живут не иначе как в полном согласии.

– Спасибо, тут очень... мило. И очень холодно. И я, кажется, потеряла туфлю.

Зеленый Ветер покосился на босую ступню с синими, скорее даже лиловыми пальцами. Будучи хоть немного да джентльменом, он сбросил свой теплый пиджак и учтиво помог девочке его надеть. Рукава, конечно, были слишком длинные, но пиджак и сам за время долгих странствий поднабрался кое-каких манер, поэтому он любезно подстроился к размеру девочки – тут надулся, там утянулся – пока не сел как влитой.

– Кажется, я похожа на тыкву, – прошептала Сентябрь, втайне радуясь. – Вся зеленая и оранжевая.

Она глянула вниз. На широком ярко-зеленом бархатном лацкане пиджак вырастил для нее оранжевую брошь в форме ключика, изукрашенного драгоценными камешками. Ключик сверкал так, будто был сделан из самого солнца. Пиджак смутился и немного потеплел. Он надеялся, что брошь не останется незамеченной.

Зеленый Ветер выразительно кашлянул.

– Туфелька – это большая утрата, врать не буду, – тут он хмыкнул, – однако Волшебная Страна требует жертв. – Он доверительно понизил голос. – Вестерли – городок пограничный, а наш Красный Ветер нечист на руку. Скорее всего со временем твою туфельку все равно бы украли.

Сентябрь и Зеленый Ветер приземлились в Вестерли – Леопарда Легких Бризов обеспечила безупречно мягкую посадку, – и двинулись по широкому Проезду Арктического Ветра. Здесь сновали по бакалейным лавкам щекастые Синие и Золотистые Ветра, набирая охапки перекаати-поля для сочного тернистого салата. Облака неслись по улице, выделявая виражи, точно старые газеты в тех городах, где бывали мы с вами. В конце проезда виднелись две тонюсенькие колонны. Сентябрь не сразу разглядела, что на самом деле это были не колонны, а очень высокие и очень тонкие люди с очень тонкими и очень длинными лицами. Трудно было сказать, мужчины это или женщины, но они были не толще карандаша и выше любой колокольни в Вестерли. Их ноги пронизывали облака и терялись в кучевых толщах. Лица были защищены от солнца, светившего в Вестерли особенно ярко, темными очками, тоже длинными и тонкими.

– Кто это? – прошептала Сентябрь.

– С желтым поясом – это Широта, а в цветастом галстуке – Долгота. Без них мы далеко не уедем, так что будь повежливей.

– Я думала, Широта и Долгота – это просто линии на карте.

– Понимаешь, они не любят, когда их фотографируют. Знаменитостям приходится нелегко: все вокруг только и знает, что щелкать камерами. Жутко раздражает. И вот пару-тройку веков назад они пришли к соглашению с Гильдией Картографии, что те будут изображать их символически, в виде линий. Из уважения.

Подойдя ближе к Широте и Долготе, Сентябрь притихла. Она, конечно, привыкла, что большинство людей выше ее ростом, она же все-таки ребенок, но эти двое были величины совсем иного порядка; к тому же она еще ничего не ела с самого утра, а путешествие верхом на Леопарде очень выматывает. Книксен Сентябрь решила не делать – слишком старомодно, поэтому поклонилась в пояс. Это так развеселило Зеленый Ветер, что он тоже поклонился.

Широта широко зевнула. Горло ее оказалось ярко-синим, каким рисуют океан на школьных картах. Долгота вздохнула, точно со скуки.

– Послушай, ты же не ожидаешь, что они с тобой заговорят? – шепнул Зеленый Ветер. Вид у него был слегка сконфуженный. – Они – знаменитости и мало с кем общаются.

– Ты же сказал, что должна быть какая-то головоломка, – ответила Сентябрь, невольно зевая вслед за Широтой. Зеленый Ветер дернул ее за рукав, будто обидевшись, что она не в таком уж восторге от встречи.

– Когда ты складываешь пазл, – спросил он, – как ты действуешь, тыковка моя?

Сентябрь повозила холодной ногой по гладкой синей брусчатке.

– Начинаю с углов, потом собираю края, чтобы получилась рамка, а потом продвигаюсь к серединке, пока все кусочки не встанут на место.

– А сколько всего, как традиционно считается, на свете ветров?

Сентябрь вспомнила свою книжку сказок и мифов, ярко-оранжевую и потому одну из самых любимых.

– Кажется, четыре.

Зеленые губы под зелеными усами изогнулись в усмешке:

– Так и есть: Зеленый, Красный, Черный и Золотой. Это, конечно, скорее фамилии – как Смит, например, или там Гупта. Вообще-то есть еще Серебристый и Синий, но эти двое натворили дел у берегов Туниса и отправлены в постель без ужина. Таким образом, неоспоримый факт, что в данный момент наша четверка образует углы. Вот эти двое, – указал он на бесстрастных Широту и Долготу, – образуют стороны. А ты, – он бережно распутал ее локон, зацепившийся за брошку, – ты, Сентябрь, те детали, что в серединке: самые диковинные и упорные.

– Я не понимаю, сэр.

– Это вопрос формулировки. Сейчас поймешь. Вот один из кусочков: *девочка скачет на одной ножке против солнца, ровно девять оборотов*. Еще один: *носить яркое*. Еще один: *закрой один глаз ладошкой*. Еще: *от чего-то придется отказаться*. Еще один: *рядом должна быть кошка*.

– Ну, это просто!

– Не всегда. Волшебная Страна очень стара, а у стариков бывают странные прихоти. Один из последних кусочков, например: *должна пролиться кровь*. И, наконец: *надо солгать*.

Сентябрь прикусила губу. Она никогда не увлекалась пазлами, хотя ее бабушка, напротив, настолько их любила, что оклеила стены у себя дома кусочками пазлов вместо обоев. Медленно, стараясь припомнить все кусочки, Сентябрь закрыла глаз ладошкой. Поджала ногу и запрыгала вокруг Леопарды Легких Бризов, надеясь, что скачет против солнца. Подол оранжевого платья бился о сверкающий на солнце зеленый пиджак. Совершив девять оборотов, Сентябрь отцепила оранжевый ключик с камешками и уколола палец иголкой брошки. Капли крови брызнули на мостовую и покатались по голубым камням. Она положила ключик к ногам бесстрастных Широты и Долготы и глубоко вдохнула.

– Я хочу домой, – тихонько соврала она.

Широта и Долгота плавно повернулись друг к другу, словно на крутящихся пьедесталах. Они начали гнуться и складываться наподобие лестничных пролетов, смыкаясь и сцепляясь, ладонь к запястью, ступня к колену, локти в стороны. Их механические движения были похожи на странный танец марионеток, дергающих вывернутыми суставами. Улица слегка пошатнулась и снова выровнялась. Широта и Долгота очень быстро поцеловались, а когда их губы разомкнулись, между ртами образовался проход – точь-в-точь для Леопарды, на спине у которой Вихрь и маленькая девочка. По ту сторону были видны только облака.

Зеленый Ветер торжественно протянул девочке в оранжевом платье руку в зеленой перчатке.

– Ты справилась, Сентябрь, – сказал он и посадил ее в изумрудное седло на спине Леопарды.

Мы никогда не знаем, что происходит после того, как актеры покидают сцену, да еще и на Леопарде. Таковы правила театра. Однако жителям Волшебной Страны по статусу положено немножко жульничать, а мы как раз собираемся вступить в их владения, так что будем действовать согласно местным обычаям.

Вот, например, когда Сентябрь и Зеленый Ветер на своей огромной кошке проникли в этот мир, сложив головоломку, усыпанный камешками ключик поднялся с мостовой и шмыгнул вслед за ними. Тихо-тихо.

Глава II «Чулан между мирами»

в которой Сентябрь проходит между мирами, задает четыре вопроса, получает двенадцать ответов и попадает на таможенный досмотр.

* * *

К моменту, когда женщина вступает в золотую пору заката, у нее скапливается огромное количество вещей. Да вы и сами знаете. Помните, как вы удивлялись, когда летом навещали бабушку в ее домике у озера: сколько же на стенах портретов неизвестных вам людей и сколько фарфоровых уток и медных сковородок, книг и коллекционных ложечек, старых зеркал и обрезков досок, незаконченного вязанья, настольных игр и каминных щипцов она рассовала по углам. Для чего человеку весь этот хлам, думали вы, зачем было хранить его столько лет, пока все не выгорело на солнце и не приобрело один и тот же ровный пергаментно-коричневый оттенок? Похоже, бабуля немного не в себе, думали вы, взирая на коллекцию стеклянных сов и фарфоровых сахарниц.

Так вот, пространство между нашим миром и Волшебной Страной выглядит в точности как бабушкин большой и темный чулан, как ее сарай на заднем дворе, как ее подвал, набитый всяким тысячелетним хламом и вздором. Мироздание, видите ли, просто не знало, куда это все пристроить. Планета наша в целом довольно бережлива, она не выбрасывает превосходные бронзовые шлемы, прялки или водяные часы. Однажды они могут понадобиться. Что же касается портретной галереи, то, если бы вы прожили столько лет, сколько бабушка, вам тоже не так-то просто было бы запомнить, как выглядят все ваши внуки.

Сентябрь любовалась грудями диковин в чулане между мирами. Через его низкий потолок пробивались корни деревьев, и все вокруг несло отпечаток благородного изящества: старинные кружева и шифровальные машины, якоря и массивные картинные рамы, кости динозавров и модели Солнечной системы. Продвигаясь верхом на Леопарде по тускло освещенному проходу, Сентябрь заглядывала в раскрашенные глаза фараонов и слепые глаза поэтов, химиков и безмятежных философов; последних Сентябрь легко узнала по занавескам, в которые они заворачиваются вместо одежды. На большинстве же портретов были изображены обычные люди, одетые в то, в чем в их времена было принято сгребать сено, вести дневник или печь булочки.

– Сэр Зеленый Ветер, – сказала Сентябрь, когда пришла в себя и глаза ее привыкли к темноте, – я хочу задать вам один вопрос, но только чтобы вы ответили серьезно, без этих ваших шуточек и ласковых словечек.

– Ну, конечно, моя... конечно, Сентябрь. Можешь звать меня просто Зеленый, на «ты». Мне кажется, мы уже достаточно знакомы.

– Почему ты забрал меня из Омахи? Ты похищаешь всех девочек подряд? Или только из Небраски? И почему ты со мной так добр?

Девочке показалось, что в этот момент Леопарда Легких Бризов засмеялась, хотя, может, она просто фыркнула.

– Это гораздо больше, чем один вопрос. Посему, полагаю, будет справедливо, если ты получишь гораздо больше одного ответа. – Он торжественно откашлялся. – Раз: в Омахе жить невозможно. Два: нет, мне и так есть чем заняться. Три: смотри выше. Четыре: чтобы понравиться тебе и при этом не испугать.

Впереди показалась медленно ползущая очередь из местных обитателей в длинных разноцветных одеждах. Они то и дело поглядывали на часы и поправляли прически под шляпами. Леопарда замедлила шаг.

– Я же просила не дразниться, – сказала Сентябрь.

– Раз: мне было одиноко. Два: не стану тебя обманывать – все знают, что пару-тройку девочек я уволок. Это в характере ветра – подхватить, закружить и утащить все, что попадет. Три: в Небраске рождается не так уж много девочек, которым суждено отправиться в Волшебную Страну. Четыре: если бы я не был обходителем, или не знал дороги в Волшебную Страну, или не обладал такой чудесной кошкой, ты бы не улыбалась и не была бы такой интересной собеседницей. Ты бы учтиво сообщила, что обожаешь чайные чашки и свою собачонку, после чего пожелала бы мне всего хорошего.

Они подошли и встали в очередь, короткую или длинную – непонятно, потому что в этой очереди собрались одни дылды, из-за которых ничего не было видно. Сентябрь соскочила с Леопарды на сухой земляной пол чулана между мирами. Зеленый Ветер тоже спрыгнул и встал рядом.

– Ты сказал, что я своенравная. Из-за этого?

– Раз: в Волшебной Стране есть целый департамент, который занимается только похищением мальчиков и девочек (преимущественно сирот, но в последнее время на эти детали смотрят сквозь пальцы), чтобы у нас всегда был запас историй на зиму, когда все равно нечего делать, кроме как попить пиво с фенхелем да глазеть на огонь в камине. Два: смотри выше. Три: в ваших засушливых землях полно детей, которые только и мечтают удрать из дому. В Нью-Йорке, скажем, вообще не найти беспризорника для того, чтобы прокатить его на Леопарде. Их там в музей Метрополитен водят как-никак. Четыре: я вовсе не так уж и добр. Не замечаешь, как я тебе вру, чтобы заставить поступать по-моему? Так ты лучше подготовишься к жизни в Волшебной Стране, где вранье считается правилом хорошего тона.

Сентябрь сжала кулаки. Она изо всех сил старалась не заплакать.

– Зеленый! Прекрати немедленно! Я просто хочу узнать...

– Раз: Поскольку ты родилась в...

– ...что во мне особенного, – шепотом, больше похожим на всхлип, закончила фразу Сентябрь. – В сказках, когда кто-то появляется в клубах зеленого дыма и приглашает девочку в путешествие, это не просто так, а потому что она не такая, как все, потому что она умная и сильная, и умеет отгадывать загадки, и сражаться на мечях, и красиво говорить, и... А я ничего такого не умею. Может, я даже и не своенравная. Нет, я не тупая, я знаю географию и играю в шахматы и могу починить бойлер, когда мама на работе, но я не о том, а вот о чем: может, ты ошибся домом, может, ты собирался покатать на Леопарде совсем другую девочку? Может, ты не имел в виду конкретно меня, я же не похожа на девочек из сказок. Я мала ростом, и папа от меня ушел на войну, а я не смогла бы даже удержать собаку и не дать ей сожрать птичку.

Леопарда повернула внушительную пятнистую голову и посмотрела на девочку печальными желтыми глазами.

– Мы пришли за тобой, – прорычала она, – только за тобой.

Большая кошка лизнула девочкину щеку шершавым языком. Сентябрь улыбнулась, самую малость. Потом шмыгнула носом и утерла слезы рукавом зеленого пиджака.

– СЛЕДУЮЩИЙ! – прогудел низкий, сердитый голос, эхом отдаваясь в огромном чулане. Голос был таким мощным, что их как ветром повалило на тех, кто пристроился за ними в очередь. Компания же впереди них, вся с блестящими остроконечными ирокезами и с розовыми тенями на веках, мигом высыпала на высокий помост, приготовив документы и багаж для досмотра.

На помосте возвышалась гигантская горгулья с мордой из литой бронзы и черного гранита. Ее каменные брови шевелились, суровая металлическая челюсть подрагивала, а глаза навывкате пламенели красным. Промасленные поршни жужжали и щелкали, приводя в движение тяжелые лапы. Торс чудовища, посеребренный узловатыми наплывами, почти разошелся по грубому шву, и видно было, как внутри пульсирует бело-фиолетовое сердце.

– ДОКУМЕНТЫ! – прогремело чудовище. Портреты на земляных стенах затрепетали вместе со стенами. Горячий выдох клубился дымом, механическая челюсть и стальной язык дребезжали. Сентябрь прильнула к Леопарде, пряча лицо от жара, пышущего из пасти горгульи.

– БЕТСИ БАЗИЛИК! СИЮ ЖЕ СЕКУНДУ ВЫХОДИ ОТТУДА! – проревел в ответ Зеленый Ветер, хотя и не так громко, как горгулья с ее кожаными мехами вместо легких.

Чудовище подумало секунду и проревело:

– НЕ-Е-ЕТ.

– Никого ты тут не напугаешь, – вздохнул Зеленый Ветер.

– ЕЕ ЖЕ НАПУГАЛА! ВОН ОНА ДРОЖИТ, И ВООБЩЕ!

– Бетси, я задам тебе трепку, ты меня знаешь. Не забывай, кто отстегал лорда Листикса и гонял его тут как собаку. Я не турист, Бетси, и не позволю обращаться с собой как с туристом.

– Нет, ты не турист, – бесстрастно прорычал хриплый, но уже не такой громкий голос. Огни в глазах горгульи потухли, могучие плечи осели, и на помост выскочила маленькая женщина – ростом не больше, чем Сентябрь, а может, и поменьше. Ее крепкое, как у медведя, туловище подпирали толстые, узловатые ноги; короткие волосы сваялись в острые сосульки, которые торчали во все стороны; в зубах была зажата самокрутка с приторным запахом ванили, рома, кленового сиропа и еще чего-то не вполне полезного для здоровья.

– Ты – не турист, – прорычала она скрипучим голосом. – Твое имя в *Зеленом Списке*, а это значит, что ты *Подлый Негодяй*, а это значит – *Вход Воспрещен по Приказу Маркизы*.

– Я подал прошение об иммиграции с печатями Четырех Тайных Советников несколько месяцев тому назад. У меня даже есть рекомендательное письмо от Парламента при Дворе

Благих. Ну то есть, от клерка Парламента, но на настоящем бланке и все такое. Надеюсь, тут все понимают, что письмо на гербовой бумаге – совсем не то же, что на простой.

Бетси язвительно выгнула кустистую бровь и в мгновение ока вновь запрыгнула в горгулью. Ужасная кукла ожила, яростно сверкая глазами и лязгая лапами.

– УБИРАЙСЯ! НЕ ТО САМ ПОЛУЧИШЬ ТРЕПКУ!

– Зеленый! – прошептала Сентябрь. – Она... гном?

– Это уж точно! – проворчала Бетси, снова выбираясь из горгульи. – Экая ты смекалистая! Как догадалась-то?

От воплей горгульи сердце у девочки все еще ходило ходуном. Дрожащей рукой она показала чуть выше своей макушки.

– Остроконечные, – пискнула она и прокашлялась. – У гномов остроконечные шляпы. Вроде колпаков. Я подумала, может, этот ирокез – вместо шляпы?

– Да она у тебя прирожденный логик, Зелененький. Моя бабушка носила остроконечную шляпу, дитя. И прабабушка. А на меня такое напялят разве что в гробу. Сама-то ты небось не захочешь носить чепец с оборками. Мы – *современные* гномы. Глянь-ка. – Бетси продемонстрировала весьма солидный бицепс, размером с бидончик для масла. – Торчать в саду или на крылечке – это не для меня. Я закончила ремесленное училище, знай наших! Теперь таможенником работаю, так что дел невпроворот. Ну-ка, что там у тебя с собой?

– Леопарда, – быстро ответила Сентябрь.

– Это правда, – признала Бетси. – Но у тебя нет никаких документов или хотя бы пары туфель, вот в чем проблема.

– А зачем тебе эта штука? – спросила Сентябрь, показывая на горгулью. – У меня дома в аэропортах такие не ставят.

– Еще как ставят, просто ты не обращала внимания, – ухмыльнулась Бетси Базилик. – У всех таможенных агентов такая есть, иначе с чего бы люди стояли смиренно в очереди и еще позволяли бы разглядывать себя и даже обыскивать. Мы все живем внутри ужасной машины власти, которая скрежещет, визжит и горит изнутри, чтобы никто не посмел сказать, будто границы – это *просто дурацкие линии на карте*. Там, где ты живешь, злобная машинка поменьше, не сразу и увидишь – ее специально маскируют. А вот мой Руперт – честный парень. Весь на виду.

Она поскребла громоздкую оболочку позади того места, где могло бы располагаться ухо. Кукла осталась темной и неподвижной.

– Так зачем *рассказывать* мне всё это про куклы и машины? Разве ты не хочешь разглядеть меня внимательнее? – спросила Сентябрь.

Бетси поманила ее, пока они не оказались нос к носу, и Сентябрь снова ощутила смешанный аромат ванили, рома и кленового сиропа – таможенница насквозь пропахла своими самокрутками.

– Да затем, что, когда люди попадают в Волшебную Страну, нам положено не только пудрить вам мозги, обдирать как липку и ездить по ушам – мы должны еще применять специальное колдовство, чтобы глазки у вас раскрылись. Не совсем, а так, чтобы уже действовали грибные чары, но при этом чтоб нельзя было дважды одурачить вас золотом эльфов. Тут дело тонкое, целая наука. Раньше специальный бальзам для этого выдавали, как по инструкции положено.

– Это что же, ты намажешь мне глаза какой-то гадостью?

– Я тебе объясню, дитя, гномы уже не те, что раньше. Я лично пикетировала сеть аптек «Хэллоуинское зелье». Есть и другие способы раскрыть пошире ваши глупые глазищи. Вот Руперт, например, хорошо действует на тупоголовых. Покажешь им Руперта – и они тут же увидят всё, что я им велю. Ну, довольно, давай документы.